УДК 159.9.01

А. А. Фёдоров

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: fedorov@fp.nsu.ru

СТИЛЬ В ПСИХОЛОГИИ: ДЕКОНСТРУКЦИЯ ТЕРМИНА

Статья посвящена анализу одного из наиболее популярных и наиболее неясных понятий в психологической науке – понятия «стиль». Рассматриваются два основных подхода к этому феномену, ошибочность которых, по мнению автора, проистекает из ошибочности корневых метафор и дуалистической онтологии. Предлагается диспозициональное понимание стиля, основанное на логическом бихевиоризме Гилберта Райла.

Ключевые слова: стиль, метафора, диспозиция, Райл.

This paper deals with the concept of style, one of the most popular and ambiguous concept in psychological science. Two main approaches to styles are examined. The author is of opinion that their fallaciousness springs from fallaciousness of root metaphors and dualistic ontology. Dispositional interpretation of style based on logical behaviorism of Gilbert Ryle is suggested.

Key words: style, metaphor, disposition, Ryle.

Термины и термиты

Плодотворность, но и неизбежная коварность метафор отмечалась многими философами науки. Мы не раз еще остановимся на этой особенности метафорического познания (сыгравшей роковую роль и в психологии стилей), но сначала предложим еще одну аналогию, обладающую, на наш взгляд, той самой «благоприятной психологической случайностью» [1. С. 180]. У здания психологической науки, нужно признать, здания скорее деревянного, нежели каменного, есть свои термиты. Это термины или, выражаясь точнее, теоретические конструкты. Они «разъедают» древесные основания психологических теорий, замещая реальные события теоретическими пустотами – словами, которые не соотносятся с реальностью, а потому обозначают ничто. Положение усугубляется еще и тем, что если дом уничтожает «армия» термитов, то психологическую теорию – вполне обозримое количество терминов. Проникая в психологию, теоретический конструкт заботливо «культивируется» учеными, которые считают своим «нравственным долгом» предложить его очередную, «свою», интерпретацию. И вот в теорию «вгрызается» не сознание, мотив и т. д., а тысячи разных «сознаний», «мотивов» и т. д.

Термины и термины

Вышеприведенную аналогию, однако, не стоит трактовать как призыв избавиться от всех теоретических терминов и строить психологию исключительно на терминах наблюдения – проект, как показывают тщетные усилия логических позитивистов, бесплодный. Теоретические термины не устранимы, но необходимы ясные критерии их конструирования. Смит (2003) эксплицирует ряд стандартов, которые необходимо соблюдать при использовании конструктов [15]. Дальнейшая деконструкция требует и от нас указания тех основных философских и методологических правил, на которые мы опираемся. Сформулируем их тезисно, поскольку обоснование их нуждается в отдельной работе.

1. Весь мир состоит из событий. События мы понимаем, следуя Расселу, как «пространственно-временные сущности с особой длительностью и протяженностью» [11. С. 205].

2. Мир един, и в этом смысле дихотомия «ментальное / физическое» является ложной. Имеет смысл, однако, говорить о личных и публичных событиях, различие между которыми связано с эмпирически привилегированным доступом к определенной части

© А. А. Фёдоров, 2007

мира (эта концепция развивается Б. Ф. Скиннером [26]).

3. Эмпирический термин – это термин, который более или менее прямо соотносится с событиями [1].

4. Теоретический термин – это термин, который не описывает новый тип событий, а представляет собой переход на новый уровень организации опыта (обобщение или абстракцию).

Здесь нельзя не упомянуть о категориальных ошибках. Г. Райл указывает, что подобного рода ошибки возникают, когда понятия «относятся к тем логическим типам, к которым они не принадлежат» [12. С. 27]. Иными словами, мы, например, совершаем категориальную ошибку, когда полагаем, что теоретический термин описывает некую новую сущность (событие). В психологии подобного рода ошибки являются крайне распространенными, и далее будет показано, что они имеют место и при использовании понятия «стиль» (наряду с такими понятиями, как «сознание», «мотивация», «интеллект» и т. д.).

Стиль, тип и черта

Если «привязывать» конструкт «стиль» к наблюдаемым референтам, легко увидеть, что среди них нет новых психологических событий. Введение этого термина, таким образом, изначально преследовало цель выйти на новый уровень абстракции [2]. Так, согласно Адлеру, «*стиль жизни* включает в себя уникальное соединение черт, способов поведения и привычек, которые, взятые в совокупности, определяют неповторимую картину существования индивидуума» [21. С. 171]. В итоге, к сожалению, стремление Адлера вылилось в две взаимоисключающие, но связанные друг с другом тенденции. В первой из них, стиль стал рассматриваться как индивидуально-своеобразный *способ* поведения, *форма* проявления способностей или *особенность* протекания психических процессов [16; 20; 22; 24; 25; 27]. В этом плане стиль отличается как от континуальных содержательных (черта), так и от дискретных содержательных (тип) психологических феноменов, представляя собой формально-динамическую характеристику. Но, например, если стиль – это только способ (а многие определения фиксируют именно это), то зачем вводить новый термин? Только потому, что словосочетание «когнитивный стиль» благозвучнее словосочетания «способ познания / переработки информации», а словосочетание «стиль оценивания» звучит лучше, чем приземленный «способ оценивания»? [3]

Вторая тенденция, напротив, заключалась в расширении объема понятия, в своеобразном гиперобобщении. В данном случае хотя и происходит переход на новый уровень абстракции, он является чрезмерным. Как отмечал Л. С. Выготский, размышляя совсем о других терминах, «объем понятия растет и стремится к бесконечности, по известному логическому закону содержание его столь же стремительно падает до нуля» [3. С. 26]. И понятия «стиль человека», «тип человека» и «кардинальная диспозиция», несмотря на все провозглашаемые различия, оказываются «абсолютно равны между собой, как круглые и пустые нули» [Там же. С. 26]. Более того, расширению объема понятия сопутствовала и категориальная ошибка. Стиль (оставаясь теоретическим понятием) начинает обозначать новый *тип событий*. Так, В. А. Толочек рассматривает его как «специфический психологический феномен» [19. С. 131], а не как «лишь «гипотетический конструкт» [Там же. С. 131]. А. В. Либин развивает «взгляд на стилевую сферу как особое психологическое образование в структуре личности [4], имеющее свои специфические функции» [17. С. 112], и отмечает его общепризнанность. Подобная категориальная ошибка проистекает из картезианского мифа о двух мирах и подразумевает, что даже после того, как будут перечислены все особенности поведения, сложно переплетающиеся уникальным образом у каждого человека, все еще будет не указана некая нефизическая сущность, именуемая «стиль» [5].

[1] Заметим, что эмпирический термин – это не термин наблюдения (так, как он понимается Р. Карнапом [5]).

[2] Таким образом, стиль – это не эмпирический, а теоретический термин.

[3] Если подобная трактовка понятия «стиль» верна, то конструкт «стиль», в соответствии с бритвой Оккама, следует признать излишним.

[4] Отметим, что «структура личности» – это не более чем метафора, что часто упускается исследователями из виду.

[5] В настоящей статье мы рассматриваем стиль как поведенческий (если угодно, психологический) феномен, а не как эстетическую *оценку* манеры поведения человека, примером которой является фраза: «У него есть стиль».

Истоки ошибки

Как и во многих других случаях, истоки ошибки лежат в неправильной исходной аналогии. Поскольку это важно, проанализируем обе ошибочные тенденции.

В первой из них, где стиль рассматривается преимущественно как способ, господствует *миф* о биполярности стиля. Приведу только два примера. «Когнитивный стиль, в отличие от традиционных униполярных психологических измерений, – это биполярное измерение» [20. С. 40]. «Стиль – это биполярный параметр» [24. С 399]. М. А. Холодная рассуждает в этом контексте об этимологии слова «стиль», которое означало палочку для письма на восковых дощечках с острым и тупым концами. «Любопытно, – пишет она, – что уже в своем исходном *метафорическом* значении стиль – это возможность одновременного участия в деятельности двух противоположных по смыслу качеств» (курсив наш. – *А. Ф.*) [20. С. 17].

Ирония в том, что в данном случае мы имеем дело не с метафорой, а с метонимией. Как указывает Тодоров, существует следующая классификация этимологических приемов (основанная на ментальных ассоциациях): 1) сходство двух смыслов (метафора); 2) смежность двух смыслов (метонимия); 3) сходство двух имен; 4) смежность двух имен [18. С. 267–269]. В случае со стилем мы имеем дело с метонимическим, а не метафорическим изменением. Иными словами, не стоит думать, что при помощи двухполюсного когнитивного стиля мы познаем мир схожим образом с тем, как мы пишем, используя «двухполюсный» *stylus*. Всякое сравнение в данном случае абсурдно: это все равно, что сравнивать газетную «утку» с водоплавающей. Стиль, в частности стиль познания, – это не аналог способа письма.

Отметим, что Холодная все же понимает противоречивость концепции биполярности когнитивных стилей. В этом контексте она рассуждает об их многомерности (полиполярности), но остается непонятным, сколько этих полюсов и что же фактически, помимо красивого и политически актуального слова, представляет собой эта «полиполярность».

Истоки второй ошибочной тенденции следует, на наш взгляд, искать в знаменитом высказывании Жоржа Бюффона: «Стиль – это человек». В данном случае Холодная справедливо указывает, что именно в согласии с ним понятие стиля начинает применяться ко всем сферам психической жизни, находя логическое завершение в концепции «стиля человека».

Стиль – это человек?

Самый востребованный афоризм в рамках стилевого подхода оказался обманчивым. Он не только побуждал исследователей распространять объяснительные возможности конструкта «стиль» на все новые психические образования, но и искать истоки стиля только *внутри* человека. В результате стиль иногда рассматривается как метакогнитивная способность, которая «обуславливается особенностями организации ментального опыта субъекта» [20. С. 226]. Происходит теоретическое замыкание стиля на самом человеке, выпадает то, что *вовне человека*. В. Н. Волошинов [6] отмечал неадекватность этого подхода и предлагал свой вариант знаменитой формулы: «Стиль – это по крайней мере два человека» [2. С. 92]. Волошинов пытается вывести стиль за пределы человека, показать необходимость включения в анализ социальной группы. Стиль поэта (речь идет о нем) формируется не в вакууме, а является продуктом всей его социальной жизни. Продолжая эту линию и рассматривая стиль вообще, мы предлагаем еще одну формулировку афоризма Бюффона: «*Стиль – это человек-в-мире*». Формула эта опирается на концепцию Рубинштейна, которая направлена против признания исходным пунктом психологического анализа единичного субъекта. В работе «Человек и мир» этот виднейший психолог писал: «Человек должен быть взят внутри бытия» [14. С. 329]. Тривиальность и банальность этого положения не должны затмевать его безусловной истинности. Как отмечал А. Ф. Лосев, «не все банальное пло-

[6] В настоящее время доминирует точка зрения, согласно которой большинство работ, опубликованных под фамилией (так называемой «маской») В. Н. Волошинов, в действительности написал М. М. Бахтин. Мы, тем не менее, придерживаемся наивной позиции: если книга вышла под именем Волошинова, значит, он ее и написал. Что интересно, Пешков пытается обосновать авторство Бахтина, опираясь на стилевой анализ, но его исходный постулат прямо противоречит точке зрения Волошинова (если Пешкову угодно, *самого* Бахтина): «...я призываю... принять известный постулат, что стиль – это человек (Бюффон), причем один человек» [10. С. 614].

хо, а многое банальное истинно» [8. С. 316]. Дальнейший анализ, по сути, призван «развернуть» предложенную формулу.

Человек и мир

Конечно, необходимость обращения к среде при анализе стиля отмечалась уже не единожды, и наша формула в этом плане не является новой. Достаточно вспомнить определение, данное Е. А. Климовым, согласно которому индивидуальный стиль – это «интегральный эффект взаимодействия субъекта и объекта» [6. С. 248]. Эту же точку зрения декларируют А. В. Либин [7; 17], В. А. Толочек [17; 19] и ряд других исследователей. Во всех этих подходах, однако, стиль рассматривается не как *человек-в-мире*, а как некий феномен, «расположенный» *между человеком и миром*, в неком междумирии, интермундии, не принадлежа ни царству духа (субъекту), ни царству материи (объекту). Либин, к примеру, рассматривает стиль как своеобразную *мембрану* между субъективной возможностью и объективной данностью [17]. И. П. Шкуратовой «хочется вставить слово *стиль* между субъектом и той деятельностью, в которой он реализуется» [Там же. С. 279]. При этом общей (во всяком случае, крайне распространенной) точкой зрения является та, согласно которой детерминирующие стиль факторы мы должны искать *внутри* человека. В. И. Моросанова полагает стиль «способом выражения индивидуальности» [9. С. 13], да и ряд других исследователей рассматривает «внутреннюю индивидуальную среду как источник детерминации стилевых свойств» [17. С. 218]. Стиль возникает, когда человек начинает взаимодействовать с внешним миром (утверждение общее, но вполне справедливое), но в психологии он отрывается от этого взаимодействия и становится самостоятельным феноменом. Особую тревогу вызывает то, что этот эпифеномен сам уже становится детерминирующим фактором, и многие исследователи начинают объяснять особенности поведения и личности человека тем, что для него характерен тот или иной стиль чего-бы-то-ни-было.

Стиль как диспозиция

Когда Рубинштейн говорит о необходимости брать человека внутри бытия, это, на наш взгляд, означает, что следует отбросить ложную дихотомию «дух / материя», которая в психологии часто заменяется дихотомией «субъект / объект».

Античное понимание стиля было исключительно монистическим. Под ним подразумевалась всего лишь индивидуальная манера литературного слога писателя. Описать стиль – значит указать на те объективные особенности, которые присущи произведениям автора. Вне этих особенностей говорить о стиле бессмысленно. На наш взгляд, в этом смысле, мы можем говорить о синонимии терминов «стиль» и «индивидуальность». Стиль – не есть выражение индивидуальности, это и есть индивидуальность, говоря более точно, *индивидуальность эстетическая* [7]. Постепенное расширения понятия «стиль» привело к тому, что стали говорить о стилевых особенностях не только того, что можно назвать эстетическим поведением, но о поведении вообще. Человек-в-мире есть поведение, а потому описать стиль человека – значит указать на особенности того, что и как человек делает.

На наш взгляд, для понимания понятия «стиль» также крайне важно различие между событиями и диспозициями, которое провел Гилберт Райл. Это различие не часто упоминается – может быть, никогда не упоминалось, – в психологии отечественной, да и за рубежом уже более не является актуальным. Еще в 1979 году Ричард Рорти отмечал, что «магическое слово Райла “диспозиция” больше не в моде, но вместо него предлагаются более современные слова типа “функциональное состояние”. Все что попахивает либо скиннеровским методологическим бихевиоризмом, либо райловским “логическим” бихевиоризмом, считается подозрительным» [13. С. 158]. Мы все же полагаем, что эвристический потенциал концепции Райла далеко еще не исчерпан, а поэтому обратимся к ней с целью прояснения понятия «стиль».

Ряд утверждений о психологических феноменах (стоит заметить, ряд не очень многочисленный) описывает события (эпизоды поведения): это утверждения о боли, непреодолимых желаниях и т. д. Но подавляющее число утверждений в психологии являются

[7] В этом смысле стилистическими характеристиками произведения являются только те, посредством которых происходит *символизация* (см. анализ понятия «стиль» у Н. Гудмена [4]).

диспозициональными. Они не повествуют ни о каких событиях, а являются, если можно так выразиться, гипотезами о поведении. Проиллюстрируем различия между событиями и диспозициями на двух примерах (непсихологическом и психологическом). Утверждение «этот человек курит сигарету» является сообщением о событии. Но утверждение «этот человек – курильщик» – утверждение диспозициональное. Оно не означает, что человек курит непосредственно в момент, когда мы его так называем, или курит постоянно. Быть курильщиком – значит иметь обыкновение курить. Между явлениями и диспозициями есть как взаимосвязь, так и различие. «Он сейчас курит» значит не то же самое, что «он курильщик». Но если бы первое суждение не было иногда истинным, не могло быть истинным и второе [12. С. 123]. Аналогичным образом, приписывая человеку какой-либо специфический мотив, мы просто очерчиваем круг действий, которые он склонен совершать. А поскольку мотивы – не события, они не могут быть *причинами* поведения. Как писал Скиннер, «диспозиция к выполнению поведения не является промежуточной переменной; это вероятность поведения» [23. С. 360]. Сказать, что человек обладает той или иной диспозицией – значит сказать, что «он в определенных ситуациях склонен делать и чувствовать определенные вещи» [12. С. 122].

С этой точки зрения*, стиль – это диспозиция*. Когда мы говорим, что у поэта такой-то стиль, мы высказываем определенную гипотезу. Сказать, что для поэта характерен «высокий стиль» – значит предположить, что его последующие произведения будут написаны «высоким» слогом (предположение при этом выстраивается на основе прочтения того, что поэт *уже* написал). Аналогично и с психологическими стилями. Сказать, что для человека характерен такой-то когнитивный стиль (если вообще уместно говорить о когнитивных стилях), значит предположить, что он будет определенным образом вести себя при столкновении с определенными ситуациями (стимулами). Стиль – не событие, стиль – гипотеза.

* * *

Стиль – понятие междисциплинарное. И как всякое понятие подобного рода оно весьма размыто и неясно, что таит в себе множество ловушек. Вполне возможно, что именно размытость понятия «стиль» и делает его столь привлекательным для психологии, терминологический аппарат которой никогда не отличался особой строгостью. Неясность понятий подталкивает ученых использовать метафоры для их постижения. Но позволяя метафоре быть проводником в наших исследованиях, мы забываем, что она вполне может сыграть роль Ивана Сусанина и завести нас в болотистый лес. На наш взгляд, многие метафоры стиля в психологии – метафоры ошибочные. Это, конечно, не означает, что нам нужно отказаться от использования этого понятия в психологии. Но нам следует предлагать новые его интерпретации, что мы и попытались сделать в данной статье.

Список литературы

1. *Бунге М.* Философия физики. М.: Прогресс, 1975.

2. *Волошинов В. Н.* Слово в жизни и слово в поэзии // Бахтин М. М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка: Ст. / Сост., текстологическая подготовка И. В. Пешкова. М.: Изд-во «Лабиринт», 2000. С. 72–94.

3. *Выготский Л. С.* Исторический смысл психологического кризиса // Психология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000.

4. *Гудмен Н.* Способы создания миров. М.: Идея-Пресс; Логос; Праксис, 2005. 376 с.

5. *Карнап Р.* Философские основания физики. М.: Прогресс, 1973.

6. *Климов Е. А.* Индивидуальный стиль деятельности в зависимости от типологических свойств нервной системы. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 1969.

7. *Либин А. В.* Дифференциальная психология: на пересечении европейских, российских и американских традиций. М.: Смысл; Изд. центр «Академия», 2004. 527 с.

8. *Лосев А. Ф.* Двенадцать тезисов об античной культуре // Лосев А. Ф. История античной эстетики. М., 1992. Т. 8, кн. 1. С. 314–323.

9. *Моросанова В. И.* Индивидуальный стиль саморегуляции: феномен, структура и функции в произвольной активности человека. М.: Наука, 2001. 192 с.

10. *Пешков И. В.* «Делу» – венец, или еще раз об авторстве М. Бахтина в «спорных текстах» // Бахтин М. М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм

и философия языка: Ст. / Сост., текстологическая подготовка И. В. Пешкова. М.: Изд-во «Лабиринт», 2000. С. 602–635.

11. *Прист С.* Теории сознания / Пер. с англ. А. Ф. Грязнова. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 2000. 288 с.

12. *Райл Г.* Понятие сознания / Пер. с англ. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999. 408 с.

13. *Рорти Р.* Философия и зеркало природы. Новосибирск, 1997. 320 с.

14. *Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1976.

15. *Смит Н. В.* Современные системы психологии / Пер. с англ., под ред. А. А. Алексеева. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. 384 с.

16. Соловьев А. В. Исследование познавательных стилей в американской психологии // Зарубежные исследования по психологии познания / Под ред. Г. Я. Розена. М.: ИНИОН, 1977. С. 235–249.

17. *Стиль* человека: психологический анализ / Под ред. А. В. Либина. М.: Смысл, 1998. 310 с.

18. *Тодоров Ц.* Теории символа / Пер. с фр. Б. Нарумова. М.: Дом интеллектуальной книги; Русское феноменологическое общество, 1998. 408 с.

19. *Толочек В. А.* Стили профессиональной деятельности. М.: Смысл, 2000. 199 с.

20. *Холодная М. А.* Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. СПб.: Питер, 2004. 384 с.

21. *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности (Основные положения, исследования и применение). СПб.: Питер Пресс, 1997. 608 с.

22. *Broverman D. M.* Dimensions of cognitive styles // Journal of Personality. 1960. Vol. 28 (2). P. 167–185.

23. *Catania A. C., Harnad S.* The selection of behavior: The operant behaviorism of B. F. Skinner. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

24. *Furnham A.* The relationship of personality and intelligence to cognitive learning style and achievement // International handbook of personality and intelligence / Eds. D. Saklofske, M. Zeidner. N. Y.: Plenum, 1995. P. 397–413.

25. *Ross M., Fletcher G.* Attribution and social perception // Handbook of social psychology / Eds. G. Lindzey and E. Aronson. Vol. 2. N. Y.: Random House, 1985. P. 73–122.

26. *Skinner B. F.* Science and Human Behavior. N. Y.: Macmillan, 1953.

27. *Witkin H. A., Goodenough D. R.* Cognitive styles: Essence and origins. N. Y.: International Universities Press, 1981.

Материал поступил в редколлегию 15.01.2007